

Дирижирует Хамид Афаунов

Хамид Афаунов вторично поклонился, благодаря публику за теплый прием. Но аплодисменты не затихли, наоборот, они стали дружнее, громче. На минуту волнение исчезло, вытесненное признательностью ко всем этим незнакомым людям, так хорошо встречающим первое выступление молодого дирижера. А потом тревога вспыхнула вновь. Как пройдет концерт? Удается ли добиться нужного звучания оркестра? Правда, первую симфонию Калининкова Хамид знал отлично, но быть может, именно потому он особенно беспокоился: симфония вольная, задуманная, словно пронизанная солнечными лучами, и далеко не просто с помощью скромного ансамбля раскрыть все богатство ее музыкальных красок, передать то ощущение счастья, что трепетно съезит в каждой ноте, создавал в целом радостный гимн жизни.

К тому же и условия для концерта необычные. Во время студенческой практики Хамид дирижировал только в залах, а нынче он выступает на открытой летней эстраде. Акустика, конечно, не та. Он еще раз бросил быстрый взгляд вокруг и не столько увидел, сколько почувствовал, как отодвинутый в стороны электрическим светом мрак громоздит вокруг черные, непроницаемые стены. Аплодисменты смолкли, и острый слух музыканта сразу же уловил ползувшие из темноты звуки — приглушенный расстоянием голос, далекий крик ночной птицы и, казалось, угрюмый шелест листвы...

Но перед самой эстрадой стояла тишина, показавшаяся Хамиду как-то особенно напряженной, почти гнетущей. Он торопливо повернулся к пульту, стараясь резким движением порвать обволакивающую его неуверенность.

— Что-то уж слишком сильно волнуясь, — мелькнула мысль — нельзя так!

Пальцы привычно обхватили палочку. Вымах ею вышел поспешным, нервным.

— Крепко, как эту палочку, взять себя в руки, — приказывает себе он. — Надо...

Что надо, он не успевает решить. Симфония уже живет. Она родилась в звуках струнных инструментов: певучих, нежных. К ним постепенно присоединяются другие. Точно река, вбирающая новые и новые притоки, ширится мелодия. В ней — все обаяние нашей родной природы: бескрайние просторы полей, мощь могучих лесов, мягкая грусть спокойных заводов.

Теперь уже Хамид ни о чем не думал. Он весь во власти музыки. Каждый его жест вызывает отклик, словно невидимые нити протянулись от кончиков пальцев дирижера к оркестрантам.

Вот вплелась в мелодию и побочная, такая любимая Хамидом, партия. Дирижер старается подчеркнуть ее лиричность, раскрыть в музыкальных образах привязанность человека к своей земле.

... Когда первая часть симфонии была окончена, Хамид даже забыл, что выступает перед слушателями. Лишь рукоплескания заставили его вспомнить об этом. Вновь, как несколько раньше, отзывчивость публики наполнила его глубокой благодарностью, открыла. Волноваться Хамид не перестал, но тревога исчезла. Уверенно дирижировал он оркестром, исполнявшим бессмертные произведения Мусоргского, Моцарта, Бизе.

Полтора часа, что длился концерт, прошли как один миг. В последний раз вспыхнули и замолкли аплодисменты. Хамиду казалось, что хлопки доносят к нему теплоту ладоней тех, кто сидел перед эстрадой. А через несколько минут он и на самом деле почувствовал ее, пожимая руки друзей, товарищей и совершенно незнакомых людей, поздравивших молодого дирижера с заслуженным успехом.

Да, сомнения быть не могло: концерт понравился нальчанам. Сколько раз меч-

тал Хамид об этом выступлении, сколько готовился к нему! «Большим испытанием» привык называть он в думах свой первый концерт. Что ж, испытание только что выдержано.

Поздней ночью Хамид еще раз заглянул в парк. Сомкнувшись вокруг света электроламп темнота сейчас совсем не была мрачной. А шорох деревьев... Хамид невольно улыбнулся, как это он мог показаться неприветливым. Наоборот! Ветви словно поймали гул рукоплесканий и теперь роняли его сквозь ажурные переплетения листьев.

Присев на скамейку, Хамид принялся перебирать в памяти впечатления минувшего дня. Но неожиданно их застолбили другие воспоминания о такой же безмятежной ночи, о длинной веренице лет, прошедших с той поры.

* * *

В комнате было душно, и маленький Хамид, проснувшись, выбрался во двор. Свежий ветерок ласково схватил черные волосы, пошевелил их. Возвращаться домой не хотелось. Хамид присел на траву и, как часто делал это, запел. Пел он едва слышно, чтобы никого не разбудить, пел для себя — долго, проникновенно.

Непонятное волнение охватило мальчика. Он умолкал, прислушивался к чему-то, а потом снова и снова тихонько выводил слова протяжных народных песен. В эту ночь под огромным звездным шатром были лишь он, да старинные мелодии — ничего больше.

Разумеется, тогда Хамиду и в голову не пришло, что он станет музыкантом. Но одно он ясно почувствовал: музыка — великая сила, и в его жизнь она вошла прочно.

С тех пор мальчик пел всюду: дома, на переменах в школе, после уроков, за несложными хозяйственными делами. Это пристрастие к музыке и способности Хамиды были настолько заметны и очевид-

ны, что его определили в музыкальную школу-интернат. Четыре года он учился по классу флейты. Дальнейшие занятия прервала война.

1947 год. Перед комиссией, отбравшей молодежь для зачисления в кабардинскую студию Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова, стоит невысокий юноша из селения Дея, тракторист Мало-Кабардинской МТС — Афаунов. Ему предлагают спеть. Хамид начал, однако, вскоре сконфузившись, замолк: голос у него теперь явно неважный.

— Быть может испробуем флейту? — спрашивает один из членов комиссии.

Хамид соглашается, но без всякой надежды на успех: он давно уже не играл. Потерявшие былую гибкость пальцы слушаются плохо, полного, сочного звука добиться не удается. «Провалился, — думает юноша, — безнадежно провалился».

Он ошибся. Экзаминаторы сумели разгадать за несовершенной формой исполнения тонкий слух, своеобразное музыкальное «чутье» юноши. Он поехал в Ленинград.

Опытные педагоги помогли ему «найти себя» в музыке. Вскоре Афаунов — студент подготовительного курса дирижерско-симфонического факультета. Хамид занимается настойчиво, с жадностью. Отчетная работа сдана блестяще. И с подготовительного он переводится сразу на второй курс.

Все время, до последней минуты, отдается учебе. Узнать надо так много! Зачастую случалось, что небо уже светлело, бледнел свет лампы, а Хамид не поднимался из-за стола. Перед ним стопа книг, тетради, чернила. Законспектировать бы еще главу, еще страничку. Многие студенты знают больше, чем он, лучше знакомы с теорией музыки, литературой, живописью. Нужно догнать их, нужно вернуться домой всесторонне образованным человеком. И перо вновь бежит по бумаге.

Днем, после лекций — библиотеки, музеи. Часами простаивал он у полотен

великих мастеров кисти. Гармония лишний, тонкая игра красок — ведь это та же музыка, только видимая глазом.

А потом — снова за учебу. Иногда, не поняв чего-нибудь, Хамид бросался к своему преподавателю — Юрию Всеволодовичу Гамалееву, отыскивал его в консерватории или на квартире и уходил, лишь разобравшись в трудном вопросе. Юрий Всеволодович не возражал против таких внезапных посещений: и учитель, и ученик страстно любили музыку.

Настал срок, когда Хамид опять вошел в зал, где сидели члены комиссии. Это был Малый зал консерватории. Впрочем «малым» его можно назвать весьма условно: обширное помещение вмещает сотни людей.

Часто бывал здесь студент, но запомнил этот зал именно таким, каким увидел его в ту пору: необычным из-за длинного, крытого сукном стола экзаминаторов. Если бы не стол, все было бы как на настоящем концерте: также торжественно сияли люстры, в партере — ни одного свободного кресла. Много раз слушал тут Хамид прославленных мастеров искусств, а сегодня он — выпускник пятого курса, сам занял место у дирижерского пульта.

...Фантазия Аренского на темы Риббинина. За роялем — Ирина Арнштан. Оркестр, которым руководит Хамид, аккомпанирует ей. Ансамбль выразительно и изящно подчеркивает мелодичную игру пианистки. Аплодисменты подтверждают, что первая часть экзаменов окончилась хорошо.

Теперь предстоит самое сложное: исполнение увертюры к опере Рихарда Вагнера «Тангейзер». Поднимая палочку, Хамид невольно вспомнил слова Римского-Корсакова: «Блеск и поразительная сила оркестра Вагнера — поистине изумительны». Сумеет ли он, еще наполовину студент, достичь этого блеска и силы?

Но Афаунов недаром дни и ночи проводил за партитурой «Тангейзера». Он назубок знал оперу знаменитого немецкого композитора. Увертюра прозвучала именно «по-вагнеровски».

На экзаменах молодой дирижер получил высокую оценку. В своем выпуске он окончил консерваторию вторым. 24-го июня ему был вручен диплом, а 3-го июля поезд мчал его на юг, домой. Вскоре в Нальчике появились афиши, извещающие о концертах первого дирижера-кабардинца — Хамиды Афаунова.

* * *

«Дирижирует — Хамид Афаунов». За этой короткой афишной фразой кроется много труда, творческих поисков, радости успехов и огорчений неудач. Как отшлифовывают драгоценный камень, так шлифуют и игру оркестра, тщательно, кропотливо, пока она не засверкает предельным совершенством.

Идет репетиция. Хамид разучивает с оркестром «Неоконченную симфонию» Шуберта, — эту своеобразную «лирическую исповедь» композитора, в которой с необычайной яркостью проявился его мелодический гений.

Палочка дирижера требовательно стучит по пюпитру.

— Сначала!

Состав оркестра невелик. А с малым числом инструментов трудно передать красочные тембровые пятна, колористические сопоставления тональностей, разнообразие изобразительных средств, свойственных музыкальной палитре Шуберта. Добиваясь этого, Хамид стремится к безупречному исполнению каждой партии и к безукоризненной сыгранности всего ансамбля. Он настойчиво ищет детали, штрихи, помогающие с большой глубиной и ясностью раскрыть замысел творца симфонии.

Репетиция следует за репетицией. После них Хамид, как прежде, засиживается до позднего часа у рабочего стола. Только теперь на нем лежат не учебники, а нотные сборники, партитуры. Дирижер выбирает произведения, которые нужно включить в репертуар, чтобы сделать его интереснее, полноценнее.

Время напряженной студенческой учебы кончилось. Ее сменил столь же напряженный и радостный труд.

Н. ЯКОВЕНКО.

Кабардинская Правда г.р. Нальчик 8 СЕН 1954